

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИИ И АНГЛИИ В АЗИИ В XIX В.

В.П. Янин

Проводится сравнительный анализ военных действий России и Англии в Азии в XIX в. по стратегическим и тактическим вопросам.

Ключевые слова: коэффициент эффективности; стратегия и тактика военных действий; военно-техническое превосходство; колониальная империя.

Англия, ставшая в XVIII в. наиболее мощным промышленно-торговым государством в мире, решив в том же веке вопрос о колониальном господстве в нескольких войнах с Францией, к началу XIX в. стала проявлять все больший интерес к расширению своих владений в Азии, где ее центром являлась Индия, дававшая метрополии львиную долю всех прибылей из колоний. Поэтому англичане старались как можно дальше во все стороны раздвинуть границы своего влияния, чтобы держать другие государства на значительном расстоянии от этой “жемчужины английской короны”. С этой целью велись военные действия против Бирмы, Афганистана и сикхского государства в Пенджабе, в то время как две “опиумные” войны с Китаем велись в первую очередь, за монополию в торговле.

Россия же после бесплодного (в отношении Центральной Азии. – В.Я.) XVIII в., когда при помощи разнообразных мер пыталась ре-

шить проблему безопасности границ и торговли в юго-восточном направлении, все больше стала склоняться к решению давно назревших задач военным путем, что к середине XIX в. привело к войне со среднеазиатскими государствами (Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства). Таким образом, даже если стратегические цели и тактические подходы России и Англии в Азии и были различными, в конечном итоге добиваться своих целей им обоим пришлось при помощи военных средств. Следовательно, представляется возможность провести сравнительный анализ стратегии и тактики военных действий, их результатов, при этом можно вычислить коэффициент эффективности, исходя из соотношения затрат и усилий по отношению к достигнутым результатам.

В первую очередь необходимо остановиться на абсолютно различных изначально финансово-людских возможностях Великобритании и Рос-

сии, что, безусловно, оказывало влияние на ход событий. Так, если Англия могла позволить себе большие материальные и человеческие потери, пускаясь зачастую в различные авантюры, то Россия к военным вопросам относилась значительно осторожней, считая, что намного больше она добьется комбинированными военно-политическими и культурно-образовательными методами, исходя из опыта нескольких поспешных и неподготовленных попыток “ворваться” в Центральную Азию (походы Бековича в 1717 г. и Перовского в 1839/1840 гг. на Хиву, Бухгольца на Кашгар в 1716 г., которые закончились полной катастрофой).

Англичане же, определив раз и навсегда свои цели и приоритеты, часто с упрямством, достойным лучшего применения, продолжали биться в “закрытые ворота”, следуя, наверное, диалектическому закону о переходе количества в качество. Такому расположению средств и сил способствовало также и то обстоятельство, что если военные действия России в Центральной Азии практически полностью обеспечивались людскими и финансовыми ресурсами из метрополии, то Англия расширяла свою империю в Азии в основном на средства Индии, при этом и армия здесь состояла до 70% из индийских солдат-сипаев.

Немаловажным отличием являлось и то, что у англичан в Азии, как правило, были значительно лучше налажены коммуникации, позволявшие быстро концентрировать большое количество войск на том или ином театре военных действий, т.е. речь идет о переброске войск морем. России же в Средней Азии приходилось довольствоваться бездорожьем, к тому же стратегические базы и резервы были отделены от действующих войск широкой казахской степью.

К началу XIX в. Индия в основном была завоевана англичанами в своих географических границах как субконтинент. Единственной достаточно открытой дорогой в Индию оставалось северо-западное направление, откуда еще со второго тысячелетия до н.э. постоянно проникали различные завоеватели от ариев до Надир-шаха и Ахмад-шаха. Поэтому главной задачей для Великобритании стало как можно дальше отодвинуть границу в этом направлении. Помимо этого примерно в это же время стали активно разрабатываться планы проникновения вглубь Центральной Азии, к междуречью Амударьи и Сырдарьи, так как исходя из опыта относительно легкого подчинения большинства индийских государств англичане переносили вытекающее

из него пренебрежительное отношение и на другие азиатские народы, нисколько при этом не принимая в расчет специфичность сикхов и народов Афганистана.

Пробой сил для англичан в плане расширения империи за пределами Индии стала первая англо-бирманская война (1824–1826). Стратегически было принято верное решение наступать с двух сторон: с юга и севера. Однако в начале войны при Раму 8 тыс. бирманцев разбили английский отряд численностью в одну тыс. человек [1: 50]. В среднем же потери англичан в сражениях составляли 300–400 человек убитыми и ранеными. При этом за все время военных действий в них приняло участие около 40 тыс. английских солдат, из которых вернулось чуть больше 15 тыс. человек. Правда, подавляющее большинство было потеряно из-за болезней [1: 74].

Следующая война Англии – первая “опиумная” с Китаем (1838–1842), как уже отмечалось выше, носила ярко выраженный торговый характер, и военные действия в основном ограничивались обстрелом и захватом прибрежных городов и крепостей. При таком ведении войны не требовались крупные контингенты, так как Цины не обладали сколько-нибудь серьезным флотом, способным противодействовать англичанам. Единственная более-менее крупная стычка произошла в 1841 г. при Ньюлангане [2: 85–86].

Перед началом первой англо-афганской войны (1839–1842) Афганистан был разделен на три княжества – Кабульское, Кандагарское и Гератское. Английские войска наступали двумя группировками: “Армия Инда” – 19,4 тыс. человек, 54 орудия [4: 46] и Пешеварская армия (10 886 чел., 16 орудий) [3: 47]. Всего, таким образом, было около 30 тыс. солдат и офицеров и 70 орудий. Не встречая особого сопротивления, англо-индийские войска заняли Кабул. После этого на борьбу поднялись афганские племена. В стычках с ними с января по март 1840 г. англо-индийские войска потеряли около 1,4 тыс. человек убитыми и ранеными [4: 60]. 2 ноября 1840 г. при Парване бригада генерала Сэля была разбита, потеряв много убитых и раненых [4: 63]. Вспыхнувшее в конце 1841 г. восстание заставило англичан уйти из Кабула, откуда вышло 4,5 тыс. солдат и офицеров с 9 орудиями и 12 тыс. прислуги [4: 76]. Итак, не имея должной организации войска даже на уровне Цинского Китая, афганский народ героическими действиями разгромил 30-тысячную армию, одну из лучших в то время в мире. В ходе войны англичане потеряли свыше 20 тыс. убитыми и ранеными [4: 91].

Интересно отметить, что в первой афганской войне на стороне англичан выступали сикхи, абсолютно не понимая, что следующей жертвой станут они сами, тем самым доказав, что одним из главных факторов успеха Великобритании в Азии являлось применение правила “разделяй и властвуй”.

Несмотря на помощь в войне с Афганистаном, Великобритания рассматривала сикхов как стратегическую угрозу своим планам в отношении Центральной Азии, поэтому после провала в Афганистане следующий удар был нанесен по Пенджабу.

В 1833 г. регулярная армия Пенджаба составляла около 40 тыс. человек. Пример сикхов примечателен тем, что они были единственными за всю историю колониальных войн в Азии, кто не боялся вступать в открытые полевые сражения по всем правилам европейского военного искусства и часто довольно успешно.

Две англо-сикхские войны были похожи, скорее, на войны, которые велись между европейскими странами, чем на колониальные. В конце 1845 г. англичане сосредоточили у границ Пенджаба 20 тыс. человек, 44 орудия, 2/3 состава армии составляли сипаи [5: 119]. 18 декабря 1845 г. английская армия у Мудки встретилась с “летучим” отрядом сикхов (20–30 тыс. человек, из них 2–3 тыс. пехоты, 22 орудия) [5: 121]. Огромное превосходство в коннице, как и во всех остальных столкновениях в Азии с европейцами, не принесло на поле боя никаких выгод. В результате сикхи потерпели поражение, потеряв 17 орудий. Потери англо-индийских войск составили 872 человека убитыми и ранеными [5: 121]. 21 декабря 1845 г. у Фирозшаха английские войска (40 тыс. человек, 62 орудия) были разбиты сикхской армией (30 тыс. пехоты, 20 тыс. иррегулярной конницы, 100 орудий), потеряв около 3 тыс. человек убитыми и ранеными [5: 125]. Ни до, ни после английские войска, имеющие такую многочисленную армию, не терпели в открытом полевом сражении такого поражения от войск азиатских государств. Единственно, в чем сикхская армия уступала английской – нехватка высшего командного состава, способного на необходимом уровне руководить войсками на поле боя. Именно этот недостаток привел к поражению у Аливале в январе 1846 г. В этом сражении 13 тыс. англичан разбили войска сикхов [5: 129].

Несмотря на победу, англичане понесли тяжелые потери (176 убитых и 4 313 раненых), т.е. половину своего состава [5: 129]. 10 февраля 1846 г. под Собраоном произошло решающее

сражение. Английские войска (40 тыс. человек, 70 орудий) против 50-тысячной армии сикхов, из которой регулярной пехоты – немного больше половины [5: 129]. Огромную роль в исходе сражения сыграло прямое предательство главных военачальников сикхских войск, которые указали англичанам место расположения более слабых частей и предоставили им свой тактический план предстоящего сражения. Нет сомнений, что при таких обстоятельствах ни одна армия мира не могла рассчитывать на успех. В результате сикхи потеряли 5 тыс. человек убитыми и ранеными и всю артиллерию; англичане – 320 убитых и 2083 раненых [5: 130].

Первая англо-сикхская война закончилась, продлившись два месяца. Всего потери англичан в этой войне составили около 11 тыс. убитыми и ранеными, при этом задачи, стоящие перед войсками, не были выполнены.

Вскоре началась вторая война, и 13 января 1849 г. при Чилианвале сикхи (30 тыс. человек, половина из них – иррегулярное ополчение, 60 орудий) разгромили англо-индийский корпус (более 13 тыс. человек, 62 орудия) [5: 165]. Англичане понесли тяжелые потери: 2 357 убитыми и ранеными; из 960 офицеров – 497 убитыми и ранеными [5: 166]. 21 февраля 1849 г. при Гуджарате сикхи (40–60 тыс. человек) встретились с английскими войсками (24 тыс. человек) [5: 168]. Неправильно выбрав позицию, сикхи были полностью разбиты, к тому же англичане очень умело распорядились своим превосходством в тяжелой артиллерии, удары которой способствовали поражению.

Особенностью двух англо-сикхских войн является то, что они были скоротечны, а сикхи как потомственные воины не признавали никакой другой стратегии, как при первой же возможности вступать в сражение с противником. Оказав упорное сопротивление англо-индийским войскам, сикхи, тем не менее, приняли активное участие в подавлении сипайского восстания 1857–1859 гг. Это еще раз доказало, что противоречия между различными народами и конфессиями в Индии всегда имели приоритет перед внешними агрессорами.

Таким образом, англичанами был создан плацдарм для последующего продвижения вглубь Центральной Азии, однако при этом они понесли большие потери – около 17 тыс. убитыми и ранеными в двух войнах.

После тяжелейших кампаний на северо-западе, где англичане, затратив огромные средства и усилия, не добились главной цели – пря-

мого выхода к р. Амударье, было решено завершить подчинение Бирмы. К началу второй войны (1852–1853) бирманцы сделали соответствующие выводы из опыта первой: были подготовлены укрепления, войска снабжены значительным количеством ружей. 21 ноября 1852 г. 7 тыс. сипаев взяли штурмом Пегу (7 тыс. бирманцев), потеряв при этом 50% своего состава убитыми и ранеными, бирманцы – около 5 тыс. человек [1: 140]. В феврале 1853 г. 600 англичан с двумя орудиями были разбиты 2–3 тыс. бирманцев, потеряв 82 человека [1: 149]. Всего же англичане потеряли за все время войны около 4 тыс. убитыми и ранеными. К концу войны в Бирме находилось 18–19 тыс. англичан. Обладающая значительно меньшим потенциалом, чем Цинская империя, Бирма нанесла несколько серьезных поражений английским войскам, несмотря на их военно-техническое превосходство.

Во второй “опиумной” войне (1856–1860) вместе с Англией против Китая выступила Франция. Однако большую часть войск составляли все же англичане. Первые три года военных действий они повторяли тактику первой войны: действия в прибрежной зоне ограниченным контингентом, придерживаясь стратегического плана заставить блокадой Цинское правительство принять все претензии союзников. Однако в 1859 г. при повторном штурме фортов Дагу союзники потеряли 478 человек убитыми и ранеными; 3 канонерки были потоплены и 2 сильно повреждены [6: 139]. После такого провала англо-французское командование спешно стало стягивать войска и готовиться к реваншу, в отличие от цинских властей, которые в своем высокомерии отказались от помощи России, которая предлагала военных инструкторов, 100 тыс. ружей и 50 орудий [7: 116].

На этот раз решено было нанести удар по столице Китая – Пекину, для чего было собрано 10,5 тыс. англичан и 6,3 тыс. французов [6: 164], которые в августе-сентябре 1860 г. в нескольких сражениях разгромили маньчжур, понеся при этом небольшие потери. После чего огромная Цинская империя подчинилась требованиям европейских держав. Таким образом, многочисленные китайские войска не смогли противостоять 17-тысячному отряду европейцев не из-за недостатка вооружения, в гораздо большей степени из-за отсутствия эффективного управления войсками, что наглядно продемонстрировал пример обороны фортов Дагу в 1859 г.

Сипайское восстание 1857–1859 гг. занимает особое место в исследуемой проблеме, так

как в ходе его на поле боя встретились две части одной армии, той армии, которая завоевала всю Индию, Бирму, нанесла поражение Цинской империи. По отзывам французских и английских офицеров XVIII в., сипаи часто превосходили колониальные войска, состоящие из европейцев. Во многом это объяснялось составом европейских войск, набравшихся из деклассированных элементов. Свою репутацию сипаи подтвердили в войнах с Майсуром, маратхами, Бенгалией, сикхским государством, а также в войнах с Францией. К 1857 г. в Индии находилось 39,5 тыс. европейских войск и 231,8 тыс. сипаев [8: 315]. Численность восставших сипаев (около 100 тыс. человек) и их подготовка позволяли надеяться на то, что английские войска встретят самый сильный отпор в истории колониальных войн. Однако этого не произошло: за весь период боевых действий сипаям и восставшему населению ни разу не удалось разбить английские войска в полевом сражении; все их успехи свелись к истреблению сдавшихся гарнизонов английских крепостей. “Лучший” полководец восставших Тантия Топи постоянно терпел поражения. В июне-августе 1857 г. небольшой английский отряд (около 2 тыс. человек) разбил основные мобильные силы повстанцев в нескольких сражениях. Уступавшие значительно в численности английские войска, при всех остальных равных условиях, неизменно оказывались победителями.

Сипайское восстание представляет собой яркий пример того, когда одинаковое вооружение и организация войск, а то и численное превосходство, не принесли положительных результатов. Для предотвращения в будущем таких выступлений английские власти значительно сократили численность сипаев. В 1861 г. в Индии было 76 тыс. англичан и 120 тыс. сипаев [8: 315], к тому же сипаи стали набираться в основном из сикхов.

Решив проблемы с Бирмой и Китаем, укрепив свое господство в Индии после подавления восстания сипаев, англичане вернулись к отложенной задаче – подчинить Афганистан и выйти, таким образом, к границам России. За время, прошедшее с первой англо-афганской войны, Афганистан объединился и создал (кстати, при помощи англичан) довольно неплохую регулярную армию, насчитывающую около 50 тыс. человек и 300 орудий, при этом конное и пешее ополчение насчитывало около 130 тыс. человек [3: 37–42].

Созданная афганская регулярная армия доказала свою боеспособность в операциях против

англо-индийских войск. 2 декабря 1879 г. около Ширпура англичане потерпели поражение, потеряв 1 тыс. человек убитыми и ранеными [11: 542]. 15 июня 1880 г. при Майванде английская бригада (2,5 тыс. человек, 36 орудий) столкнулась с афганскими войсками (12 тыс. человек, 36 орудий) [12: 134]. В результате сражения английская бригада перестала существовать как тактическое соединение, потеряв только убитыми 1220 человек. Всего англичане потеряли за время войны около 7 тыс. убитыми и ранеными.

Таким образом, во время военных действий в Бирме, Афганистане и Пенджабе англичане потеряли за 1824–1881 гг.: в Бирме – около 12 тыс. убитыми и ранеными; Афганистане – около 28 тыс. убитыми и ранеными; Пенджабе – 11 тыс. убитыми и ранеными. Итого – около 51 тыс. убитыми и ранеными.

В отличие от англичан, у которых соотношение их войск к местным армиям, как правило, не превышало 1:10, у русских войск в полевых сражениях и боях соотношение численного превосходства кокандцев, бухарцев и хивинцев находилось в границах от 5 до 80. Наиболее частое соотношение сил – 15–20-кратное превосходство среднеазиатских войск. Несмотря на такое огромное преимущество местных войск, русские войска, в отличие от английских, в полевых условиях ни разу не потерпели поражений. Бросается в глаза резкий контраст в потерях воюющих стран: у русских они очень незначительны, а у среднеазиатских войск – огромны. Естественно, такие цифры должны вызывать определенные сомнения, на что неоднократно указывали историки XIX–XX вв. как в России, Киргизстане, так и за рубежом. Безусловно, каждая страна в лице своих военачальников стремится скрыть свои потери, преуменьшая их и преувеличивая потери противника. Поэтому к указанным цифрам надо относиться с долей здорового скептицизма, именно с долей, а не полностью, так как эти данные взяты из донесений и рапортов русских генералов. В местных источниках (среднеазиатских) такие цифры либо вообще отсутствуют, либо в целом подтверждают российские реляции. Хотя иногда встречаются явно завышенные данные о потерях русских войск. Так, местные источники сообщают, что при взятии Ходжен-та в 1866 г. русские потеряли только убитыми 1200 человек [13: 71], что, безусловно, является огромным преувеличением. В общем, такая статистика все же дает возможность создать определенное представление о соотношении потерь, к тому же надо отметить, что и сведения о поте-

рях европейских войск в Азии и Африке также, естественно, взяты почти полностью из донесений французских, английских и итальянских генералов, а потери этих стран представлены очень большим количеством убитых и раненых по сравнению с потерями русских войск в Средней Азии. Трудно предположить, что западноевропейские генералы были более честными, чем русские. Надо признать, что попытки фальсифицировать потери встречались и в донесениях русских офицеров, но потери не преуменьшались, а, наоборот, преувеличивались в расчете показать свое геройство и самоотверженность, чтобы получить награды и следующий чин. Так, в 1876 г. один полковник в своем донесении сильно преувеличил потери своего отряда при столкновении с кокандцами: в рапорте указывалось 4 раненых офицера и 8 тяжелораненых солдат – в лазарете оказалось только один; из указанных в рапорте 27 легкораненых – не было никого; из 18 раненых джигитов Кауфман нашел только одного со сломанной рукой [14: 662]. Кстати, обращает на себя внимание быстрота, с какой был разоблачен недобросовестный офицер, и жесткий контроль за такими ситуациями, который установил генерал-губернатор фон Кауфман в русских войсках.

Как правило, в среднеазиатских военных кампаниях в каждой из операций русских было задействовано не более 3,5 тыс. человек. Исключения составляют походы на Хиву в 1839–1840 гг. (около 5 тыс. человек), поход М.Д. Скобелева в 1880–1881 гг. на Геок-Тепе (около 7 тыс. человек), который по количеству войск, технической оснащенности являлся самой крупной операцией русских войск в Средней Азии, и, что интересно, потери русских были самыми большими, чем резко он отличается от сражений и штурмов. Всего за 1879–1881 гг. в Туркмении русские войска потеряли 707 человек убитыми и умершими от ран и болезней и 1098 человек ранеными [11; 3: 220]. Приведенная выше цифра – 3,5 тыс. человек – являлась максимумом задействованных войск, а в основном в боевых действиях принимало участие от 700 до 1500 человек.

Намного большую опасность, чем пули и сабли кокандцев и бухарцев, представляло головоуятие военного начальства, впрочем, являющееся отличительной чертой во все времена в России, которое было связано с полным неумением обустроить быт солдат и вело к постоянным эпидемиям среди войск. Так, к весне главные силы при штате около 3,5 тыс. человек из-за болезней сократились до 2 тыс. боеспо-

собных людей [15: 191]. Только с августа 1867 г. по апрель 1868 г. в лазареты поступило свыше 12 тыс. человек, из которых 820 умерло, т.е. среднемесячная цифра смертности составила почти 130 человек [16: 111]. За время Туркменских походов 1879–1881 гг. от болезней умерло 1123 человек, больше чем в бою [17; 3: 219]. Для сравнения: во всех боях в Туркестане с 1874 по 1873 г. выбыло из строя убитыми менее 400 и ранеными более 1600 человек, т.е. всего около 2 тыс. человек. Потери русских войск в 1875–1876 гг. в Кокандском ханстве также сопоставимы с этими цифрами. Всего же в полевых сражениях и боях в 1847–1885 гг. русские войска потеряли 145 убитыми и 514 ранеными, а при штурмах крепостей потери составили в 1850–1881 гг. 738 убитых и 2273 раненых. Общие потери за 1847–1885 гг. составили 883 убитых и 2 847 раненых. Таким образом, потери русских войск в Туркменских походах в 1879–1881 гг. составили 44% от всех потерь за все время военных действий в Средней Азии, что еще раз доказывает исключительность Туркменских походов.

Характерные черты британского военного искусства при военных действиях в Азии – наносить главный удар по столице и основным силам противника, не расплывая время и средства на второстепенные задачи, и связанное с этим недостаточное внимание к обеспечению безопасности тыла и флангов наступающих войск; пренебрежительное отношение к противнику на поле боя, приводящее зачастую к неоправданным потерям.

Основной причиной такого подхода к военным действиям являлось то, что, победив в 1815 г. при Ватерлоо непрекаемого военного авторитета – Наполеона, англичане стали считать себя самыми лучшими воинами в мире, переняв при этом его главный стратегический прием – быстрый разгром основных сил противника в генеральном сражении и захват столицы, не принимая во внимание тот факт, что в Испании и России захват Мадрида и Москвы ни к чему не привел, а явился лишь началом настоящей борьбы. Следовательно, англичане механически переняли стратегические и тактические приемы Наполеона, считая, что буквальное следование им априори принесет победу, забывая, что главная причина краха Наполеона как раз и заключалась в недооценке им силы народных масс.

Русские же войска, решая свои стратегические задачи, старались поступать планомерно, занимая один за другим опорные пункты, кото-

рые становились базами для дальнейшего продвижения вглубь Кокандского ханства и Бухарского эмирата. В отношении же Хивы и туркмен основным фактором отхода от этой стратегии явились географические особенности театра военных действий: в условиях пустыни и полупустыни единственным эффективным способом быстро добиться поставленных задач являлось занятие относительно немногочисленных оазисов. Разница в стратегии обуславливалась еще и тем, что Россия никогда четко не ставила себе цель завоевать Среднюю Азию, что доказывает весь ход продвижения России в данном регионе. С военно-стратегической точки зрения в первом случае было необходимо добиться ликвидации Хивинского ханства и Бухарского эмирата, которые сохраняли свой полунезависимый статус, при этом оставаясь далеко не всегда настроенными дружелюбно по отношению к России, чем всегда мог воспользоваться внешний противник (Англия и Турция).

Общие потери русских войск в 1847–1881 гг. составили около 7 тыс. убитыми и ранеными и умершими от болезней, т.е. в 7 раз меньше, чем потеряли англичане в указанных выше войнах, не говоря уже о том, что финансовые затраты Великобритании на порядок превышали российские. Следовательно, коэффициент эффективности военных действий русских в Азии был значительно выше, чем у англичан, что безусловного говорит о превосходстве русского военного искусства в плане стратегии и тактики, а также о более высоких морально-боевых качествах русских войск.

Литература

1. Козлова М.Г. Английское завоевание Бирмы. – М., 1972.
2. Ипатова А.С. Патриотическое движение на юге Китая в 40-е годы XIX в. – М., 1976.
3. История вооруженных сил Афганистана (1747–1977). – М., 1985.
4. Бабаходжаев М.А. Борьба Афганистана за независимость (1838–1842). – М., 1960.
5. Кочнев В.И. Государство сикхов и Англия. – М., 1968.
6. Зарецкая С.И. Внешняя политика Китая в 1856–1860 гг.: отношения с Англией и Францией. – М., 1976.
7. Дементьева Ю.П. Колониальная политика Франции в Китае и Индокитае (1844–1862). – М., 1958.
8. Народное восстание в Индии 1857–1859 гг. – М., 1957.

История и культурология

9. *Шаститко П.М.* Нана Сахиб. – М., 1967.
10. *Осипов А.М.* Великое восстание в Индии 1857–1859 гг. – М., 1957.
11. *Герентьев М.А.* История завоевания Средней Азии: В 3 т. Т. 2–3. – СПб., 1906.
12. Советская военная энциклопедия. Т. 1. – М., 1990.
13. *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства. – Ташкент, 1973.
14. *Толбухов Е.* Скобелев в Туркестане (1869–1877 гг.) // Исторический вестник. – 1916. – № 12.
15. Журнал военных действий и происшествий на среднеазиатской границе с 14 февраля по 10 апреля 1866 г. // Романовский Д.И. Завоевание Средней Азии. – СПб., 1868.
16. *Логофет Д.Н.* Завоевание Средней Азии // История русской армии и флота. – М., 1913.